

К вопросу об особых административно-правовых режимах

Т.В. Кувырченкова¹, В.В. Черевко²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² ЧОУ ВО «Академия управления и производства», г. Москва

Предметом исследования стали правовые нормы, регулирующие административно-правовые режимы, вводимые в особых условиях, а также теоретические взгляды ряда ученых о месте особых правовых режимов в административном законодательстве. Цель – установление возможных пробелов в регулировании особых (специальных) административных режимов и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Одними из основных методов, используемых в работе, стали сравнительный и системный. В результате проведенного исследования установлено, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие «особые правовые режимы», в научной литературе также не выработано единого определения и классификации особых административно-правовых режимов. На международном уровне предпринимаются усилия по унификации терминологии правовых режимов, а также разрабатываются единые подходы к обозначению мер, необходимых для поддержания режимов. В связи с изложенным, предлагается дальнейшее совершенствование законодательства в этой области регулирования.

Ключевые слова: государственное управление, особые административно-правовые режимы, режим чрезвычайного положения, режим военного положения, режим особого положения, режим чрезвычайной ситуации, режим контртеррористической операции.

Государственное управление тесно взаимосвязано с действием различных административно-правовых режимов. Например, правила дорожного движения, правила пожарной безопасности и др. Установление их возможно также в разных сферах деятельности. Во всех этих случаях закрепляется определенный порядок, определенные требования, что в конечном итоге и характеризует тот или иной административно-правовой режим. Но большинство этих правил, мер относится к постоянно действующим. Так, С.С. Маилян в своей монографии «Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью» пишет о том, что установление порядка (режима) лежит в сути самого управления [13, с. 15]. И далее – «... сущность управленческих режимов заключена в природе самого управления, в данном случае управления социального. Нельзя построить даже минимально эффективную систему управления, не

осуществив при этом режимную организацию ее основных компонентов» [13, с. 19].

Но государственное управление возможно также и вне пределов действия правовых режимов. И как верно далее отметил С.С. Маилян: «Режимами закрепляются лишь принципиально важные элементы организации, обеспечивающие их гарантированную реализацию» [13, с. 28].

Исследованиям административно-правовых режимов посвящено достаточно публикаций, но вопросы не теряют своей актуальности, особенно в настоящее время, когда органы публичной власти сталкиваются с необходимостью реорганизации своей деятельности в условиях введения специальных административно-правовых режимов.

Некоторые международные источники закрепили меры, которые необходимо предпринимать при введении административных режимов. Так, в Международном пакте о гражданских и политических правах есть статья 4, содержащая право любого государства ограничивать права граждан при введении чрезвычайного положения:

«1. Во время чрезвычайного положения в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения.

2. Это положение не может служить основанием для каких-либо отступлений от статей 6, 7, 8 (пункты 1 и 2), 11, 15, 16 и 18.

3. Любое участвующее в настоящем Пакте государство, использующее право отступления, должно немедленно информировать другие государства, участвующие в настоящем Пакте, через посредство Генерального секретаря Организации Объединенных Наций о положениях, от которых оно отступило, и о причинах, побудивших к такому решению. Также должно быть сделано сообщение через того же посредника о той дате, когда оно прекращает такое отступление» [2].

Международный пакт о гражданских и политических правах содержит процедуру введения чрезвычайного положения, а также необходимость сообщения о дате отмены чрезвычайного положения, с этого момента оно прекращает действовать. В Федеральном конституционном законе от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» нормы Международного пакта нашли отражение в ст. 37, где также закреплена обязанность в случае введения чрезвычайного положения проинформировать Генерального секретаря ООН о временных ограничениях прав и свобод граждан, а при его отмене о

возобновлении в полном объеме действий положений Международного пакта [9].

Со стороны международного сообщества предпринимаются меры и для унификации терминологии, гармонизации законодательства, касающегося действий административно-правовых режимов. Так, 19.12.2023 г. Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ) был принят «Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности». В указанном источнике даются определения агрессии, военного положения, гибридной войны, массовых беспорядков, режима государственной границы, режима защиты государственной тайны (режима секретности), чрезвычайной ситуации [3]. Таким образом, на региональном международном уровне возможна унификации некоторых терминов, касающихся определений правовых режимов и оснований для их введения.

Так, военное положение определено как особый правовой режим, временно вводимый на территории государства или в отдельных его местностях в соответствии с национальным законодательством в случае агрессии против государства или непосредственной угрозы агрессии, связанный с предоставлением государственным органам, органам военного управления, органам местного самоуправления полномочий, необходимых для устранения угрозы агрессии или отражения агрессии, а также с временным ограничением прав и свобод граждан государства, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций, возложением на них дополнительных обязанностей. Чрезвычайная ситуация, как основание для введения соответствующего режима, определена как обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [3]. К сожалению, режим чрезвычайного положения в глоссарии не получил закрепления.

Помимо унификации терминологии правовых режимов на международном уровне также разрабатываются единые подходы к обозначению некоторых мер, необходимых для поддержания режима и ликвидации последствий возникшей угрозы. Так, в Постановлении № 15-6.1 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности «О проекте Рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам изъятия имущества граждан и организаций в условиях военного или чрезвычайного положения (реквизиции)» говорится о необходимости дополнения гражданских кодексов государств положениями об

основаниях реквизиции в условиях военного положения. На момент подписания этого документа только гражданское законодательство Республики Казахстан содержало такое положение [4].

Такие единые рекомендации содержались также в «Инструментарии для государств – членов Совета Европы. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19 (SG/INF(2020)11)», где было указано, что в условиях чрезвычайного положения государственные власти могут быть наделены полномочиями по принятию указов, имеющих силу законов. Но такие полномочия могут действовать ограниченный срок. Если срок продлевается, тогда осуществляется контроль со стороны парламента. И в целом принятые в такой ситуации нормативные акты должны быть срочными [5].

А вот в «Справочнике военных и военно-технических терминов ОДКБ для целей государственного правового регулирования», принятом в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 г. Постановлением 10-3.7 Парламентской Ассамблеи ОДКБ, даются определения терминов, касающихся введения и действия особых правовых режимов, в сравнительном анализе, для каждого конкретного государства [6]. Так, формулируются понятия чрезвычайной ситуации, чрезвычайной ситуации социального характера, чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации техногенного характера, чрезвычайного происшествия.

В Постановлении № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) «О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ» закреплено определение правового режима противодействия террористической угрозы, под которым понимается режим деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, направленный на устранение террористической угрозы, вводимый в порядке, предусмотренном законодательством государства, и допускающий установленные государственными законами отдельные временные ограничения прав и свобод граждан, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Также констатируется тот факт, что режим контртеррористической операции изменяет правовой статус органов, осуществляющих на этой территории государственное управление, и устанавливается либо весь комплекс мер, необходимых для ликвидации террористического акта, либо некоторые временные административные меры [7].

Таким образом, на региональном уровне в рамках международных организаций идет процесс сближения законодательства разных стран, регулирующего вопросы действия административно-правовых режимов, вводимых в особых условиях.

Вопросы обеспечения законности, правопорядка и общественной безопасности, а также «осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидация их последствий», т. е. с чрезвычайными обстоятельствами различного вида, находятся в совместном ведении Российской Федерации и входящих в ее состав субъектов (п. «б» и «з» ч. 1 ст. 72 Конституции России) [1]. Поэтому организация деятельности органов власти (чаще всего исполнительной) в рассматриваемых условиях осуществляется на трех управленческих уровнях: федеральном, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Любой режим предполагает установление определенных правил; для режимов, устанавливаемых для особых условий, необходимы ограничения прав граждан, определение пределов таких ограничений (например, некоторые конституционные права не ограничиваются), установление дополнительных гарантий от нарушений прав, а также проведение конкретных мероприятий для поддержания режима.

В литературе встречается такая классификация, как «постоянно действующие режимы» и «режимы, введенные на определенное время». Но если целью любого режима является обеспечение безопасности граждан и защита основ конституционного строя, которые предполагают кроме всего прочего и некоторые ограничения прав, то чисто теоретически действие режима всегда должно предполагать какие-то временные рамки. Но постоянно действующие режимы не имеют временных рамок и предполагают бессрочное ограничение некоторых прав, в отличие от режимов, вводимых в особых условиях. Для последних характерны конкретные временные рамки действия, а их длительность зависит от обстановки.

В качестве постоянно действующих режимов В.Д. Мельгунов в своей работе «Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности» предлагает рассматривать административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности следующим образом:

«а) в качестве одного из основных, минимально достаточных средств, посредством которых осуществляется современное административно-правовое воздействие на общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности;

б) как объективно необходимый элемент вмешательства государства в предпринимательскую деятельность в целях ее упорядочивания, обеспечения безопасности, развития и сглаживания

противоречий публичных и частных интересов. При этом установление и использование административно-правовых режимов необходимо, в первую очередь, в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства (например, режимы обеспечения промышленной безопасности и лицензирования предпринимательской деятельности), а также в целях защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и других лиц от неправомерных действий других ее субъектов (например, режим обеспечения конкуренции), упорядочивания воздействия органов исполнительной власти и обеспечения его эффективности (например, в режимах государственного протекционизма)» [15, с. VII–VIII].

Конечно, затруднительно привести исчерпывающий перечень таких правовых режимов или хотя бы единую их классификацию, т. к. они очень разнообразные и многочисленные.

Любой правовой режим требует регламентации в соответствующем законодательстве. Если мы говорим о ситуации неординарных (чрезвычайных), то они также требуют закрепления в соответствующих правовых актах. Но, как верно указывал в своей работе А.В. Мелехин правоотношения, возникающие в чрезвычайных условиях, не имеют единого правового закрепления, т. к. регулируются различными отраслями права, что создает определенные пробелы в действующем законодательстве и противоречия правовых норм [14].

Возникают некоторые проблемы и при введении комплексных режимов. Например, в ситуации, когда происходит внутренний вооруженный конфликт, но есть угроза совершения террористического акта, т. е. необходима система комплексных мер, а режим устанавливается один.

В литературе нет единообразной классификации административных режимов. Больше всего это касается определения режима особого положения и характеристики особых правовых режимов в целом. Так, законодатель не дает определение «режим особого положения», а проведенные научные изыскания по-разному его формулируют.

Так, С.И. Харитонов к особым правовым режимам относит те, введение которых обусловлено обстоятельствами исключительного, экстраординарного характера (это чрезвычайное положение, военное положение, правовой режим контртеррористической операции и др.) [20, с. 53]. В научной литературе также используется термин специальные административно-правовые режимы (далее – САПР).

В.Б. Рушайло в своей диссертации еще в 2004 г. понимал САПР, как форму государственного управления, допускающую ограничения правосубъектности физических и юридических лиц, вводимый в качестве временной меры, обеспечиваемый средствами административно-правового характера и направленный на обеспечение безопасности личности, общества и государства [17].

Н.А. Морозова, говоря о чрезвычайном законодательстве, относит сюда такие явления, как «чрезвычайная ситуация», «чрезвычайное положение», «военное положение», «контртеррористическая операция» и др., объединяя их общим термином «особые правовые режимы» [16, с. 28].

А.В. Мелехин рассматривает особые правовые режимы как меру, применяемую государством с целью предотвращения угрозы наступления чрезвычайных ситуаций мирного и военного времени или ликвидации их последствий. Автор считает, что установление указанных режимов является формой реализации чрезвычайного законодательства России [14].

А.В. Мелехин делает следующий вывод, говоря о особых правовых режимах: «Содержание особых правовых режимов определяется федеральным законодательством и предусматривает необходимость проведения взятых в комплексе экономических, политических, административных, военных, правовых, идеологических и иных мер, направленных на предотвращение или ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, угрожающих личности, обществу и государству» [14].

С.А. Старостин в своей монографии «Чрезвычайные административно-правовые режимы» дает классификацию чрезвычайных административно-правовых режимов, прямо указывая на то, что не особые, а именно чрезвычайные режимы позволяют успешно встроить их в чрезвычайное законодательство и решить имеющиеся в законодательстве проблемы. Он же дает определение чрезвычайному административно-правовому режиму, под которым понимает вводимый в соответствии с федеральным законом на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях специальный правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, допускающий установление отдельных ограничений прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей [19, с. 2].

С.М. Зырянов в своей работе «Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснования необходимости введения», давая характеристику экстраординарным режимам, писал о «спящем законодательстве», которое регулирует эти режимы [11, с. 76]. Автор называет их экстраординарными, специальными, особыми, также указывая на то, что в науке не сложилось единого представления о соотношении этих понятий. В конце работы С.М. Зырянов предлагает свою формулировку, определяя экстраординарные режимы как разновидность специальных

административно-правовых режимов, вводимых при чрезвычайных ситуациях. Они имеют временные рамки до того момента, пока чрезвычайная ситуация не будет ликвидирована либо не прекратится естественным путем, либо будут устранены ее последствия. Эти режимы отличаются более жесткими мерами, предполагают изменение системы управления, в некоторых случаях приостановления предприятий и организаций [11, с. 80]. Таким образом, автор фактически дает характеристику режимам, которые в научной литературе получили названия особые, чрезвычайные или специальные. Это еще раз подтверждает тот факт, что не сформировано единое понятие и единая классификация перечисленных режимов.

Как указывал С.С. Маилян, наличие особых угроз безопасности и правопорядку подразумевает наличие чрезвычайных режимов правоохранительной деятельности и требует их специальной правовой регламентации [13, с. 124].

В любом случае особые правовые режимы понимаются как ответные государственные меры на возникшие угрозы, предполагающие перестройку системы государственного управления на новые «чрезвычайные рельсы».

Ряд научных публикаций посвящен также исследованию режима особого положения, его характеристикам. Позиции авторов не всегда совпадают. Так, М.А. Рыльская в своей монографии «Урегулирование внутренних вооруженных конфликтов: опыт, проблемы» выделяет три вида административно-правовых режимов социального характера: особое положение, чрезвычайное положение и военное положение [18, с. 58]. Также автор под режимом особого положения понимает временный правовой режим деятельности государственной власти, вводимый на территории города (района в городе), одного или нескольких субъектов Российской Федерации в целях принятия неотложных мер по стагнации чрезвычайных ситуаций социального характера, грозящих кризисными осложнениями, допускающий становление ограничения основных прав и свобод граждан, а также возложения на них дополнительных обязанностей [18, с. 59]. В качестве оснований для введения такого режима она предполагает возможность возникновения внутреннего вооруженного конфликта, и рассматривает режим как профилактическую меру, когда должны присутствовать определенные ограничения и запреты, а чрезвычайное положение не объявляется. Похожая ситуация происходила на территории Северного Кавказа в конце 90-х – начале 2000-х гг. Государство пошло в тот период по пути объявления режима контртеррористической операции, который продолжал действовать длительное время. Существующий тогда Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» закрепил понятие контртеррористической операции и соответствующего режима. Под контртеррористической операцией

понимались специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также минимизацию последствий террористической акции. Статья 13 указанного федерального закона определяла общие требования к правовому режиму в зоне проведения контртеррористической операции [10]. Данный правовой режим был отменен только в 2009 г.

С.А. Старостин, проводя аналогичные исследования, предлагает либо принять отдельный федеральный закон «Об особом положении», либо встроить нормы, его регулирующие, в уже существующий федеральный закон. Под данным режимом он понимает более мягкий административно-правовой режим, который предшествовал бы введению чрезвычайного положения и регулировал бы кризисные ситуации социального характера. Автор считает, что этим законом можно охватить различные ситуации социального характера, и использовать режим в качестве профилактической меры до введения режима более жесткого чрезвычайного положения [19, с. 43].

Необходимость урегулирования ситуации, когда есть угроза возникновения вооруженного конфликта немеждународного характера, путем введения особого правового режима была ранее обозначена нами в монографии «Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов» [12, с. 56–57]. Обосновывалось это также недостаточной проработанностью законодательства, отсутствием правовых норм, закрепляющих терминологию таких различных правовых режимов. А то, что отдельная дефиниция необходима для характеристики режима при возникновении внутреннего вооруженного конфликта, не вызывает сомнения. Полагаем, что все-таки в обстановке угрозы возникновения вооруженного конфликта немеждународного характера меры реагирования должны отличаться и это требует отдельного регламентирования. Эти нормы могут либо получить закрепление в специальном федеральном законе, либо войти отдельным разделом в уже действующий закон.

Российское законодательство, реагируя на современные вызовы, не стоит на месте. Так, были внесены изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) об административной ответственности за нарушение режима военного положения (ст. 20.5.1 КоАП РФ), за нарушения, связанные с военными обязанностями и мобилизацией (ст. 19.38 КоАП РФ) и т. д. [8]. Недостаточность проработки положений законов о правовых режимах, вводимых в особых условиях (особенно это касается режимов военного положения, чрезвычайного положения и контртеррористической операции), возможна вследствие того, что не было в этом необходимости, государственное управление не предполагало наступление подобных ситуаций, это, как было сказано выше, «спящее

законодательство». В современных условиях возникшие проблемы, пробелы в правовом регулировании требуют скорейшего разрешения. Это связано в первую очередь с безопасностью граждан страны, государства и обеспечением государственного суверенитета.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020 (дата обращения: 03.11.2024).

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. ст. 291.

3. Рекомендательный глоссарий терминов и определений государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения национальной и международной безопасности (принят 19.12.2023 г. Постановлением 16-6.3 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://paodkb.org/> (дата обращения: 03.11.2024).

4. О проекте Рекомендаций по гармонизации законодательства государств – членов ОДКБ по вопросам изъятия имущества граждан и организаций в условиях военного или чрезвычайного положения (реквизиции) (принято в г. Москве 05.12.2022) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paodkb.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).

5. Инструментарий для государств – членов Совета Европы. Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19 (SG/INF(2020)11) (принят 07.04.2020 г.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 5.

6. Справочник военных и военно-технических терминов ОДКБ для целей государственного правового регулирования (принят в г. Санкт-Петербурге 13.10.2017 г. Постановлением 10-3.7 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности) // Сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.paodkb.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).

7. О Комментариях к модельному антитеррористическому законодательству СНГ (принято в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 г. Постановлением № 39-28 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (часть 3). Комментарии опубликованы на сайте Межпарламентской Ассамблеи СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://iacis.ru/> (дата обращения: 03.11.2024).

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.10.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023 г.) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

10. Федеральный закон от 25.07.1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.

11. Зырянов С.М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstraordinarnye-spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-ponyatie-i-obosnovanie-neobhodimosti-vvedeniya/viewer> (дата обращения: 03.11.2024).

12. Кувырченкова Т.В. Защита прав человека в условиях внутренних вооруженных конфликтов: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. 86 с.

13. Маилян С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права и практике государственного управления правоохранительной деятельностью: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 214 с.

14. Мелехин А.В. Особые правовые режимы Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

15. Мельгунов В.Д. Административно-правовое регулирование и административно-правовые режимы в сфере предпринимательской деятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. 160 с.

16. Морозова Н.А. Административная ответственность как элемент особого правового режима // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 28–31.

17. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/spetsialnye-administrativno-pravovye-rezhimy-v-rossiiskoi-federatsii> (дата обращения: 03.11.2024).

18. Рыльская М.А. Урегулирование внутренних вооруженных конфликтов: опыт, проблемы: монография. М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 2003. 88 с.

19. Старостин С.А. Чрезвычайные административно-правовые режимы: монография. Москва: Проспект, 2022. 112 с.

20. Харитонов С.И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. 2020. № 12. С. 53–58.

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права Частного образовательного учреждения

On the question of special administrative-legal regimes

T.V. Kuvyrchenkova¹, V.V. Cherevko²

¹ Tver State University, Tver

² Academy of Management and Production, Moscow

The subject of the study was the legal norms regulating administrative-legal regimes introduced in special conditions, as well as the theoretical views of a number of scientists on the place of special legal regimes in administrative legislation. The goal is to identify possible gaps in the regulation of special (special) administrative regimes and develop proposals for improving the legislation. Some of the main methods used in the work were comparative and systemic. As a result of the study, it was established that at present the legislation of the Russian Federation does not include the concept of special legal regimes, and the scientific literature has not developed a single definition and classification of special administrative-legal regimes. At the international level, efforts are being made to unify the terminology of legal regimes, and uniform approaches to the designation of measures necessary to maintain regimes are being developed. In connection with the above, further improvement of legislation in this area of regulation is proposed.

Keywords: *public administration, special administrative and legal regimes, state of emergency, martial law, special state, emergency situation, counter-terrorism operation regime.*

About authors:

KUVIRCHENKOVA Tatyana – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional, Administrative and Customs Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6900-5462, AuthorID: 541033, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

CHEREVKO Vladimir – PhD in Law, Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Academy of Management and Production, SPIN-code: 1516-4488, AuthorID: 1021804, e-mail: Cherevkovv@bk.ru

Кувырченкова Т.В., Черевко В.В. К вопросу об особых административно-правовых режимах // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 73–84.

Статья поступила в редакцию 10.11.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.